

И. В. Лучицкий.

И. В. Лучицкий

ВОПРОСЪ
О КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
ВО ФРАНЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ
И
ПРОДАЖЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

(Отчетъ о командировкѣ за границу.)

КІЕВЪ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго Б.-Васильковская у., д. № 29—31.

1894.

d. p. 5, 11, 16, 18, 27,

9 V Lushitskii
И. В. Лучицкий.

UNIV. OF
CALIFORNIA

ВОПРОСЪ

О КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ВО ФРАНЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

И

ПРОДАЖЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

(Отчетъ о командировкѣ за границу.)

КІЕВЪ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.

В. І. Завадзкаго Б.-Васильковская у., д. № 29—31.

1894.

J. Loutchitzky ^{petite} De la propriété en France avant la Révolution et de la vente des biens nationaux.

"Revue Historique" t. 59. sept.-oct. 1895. p. 77-107.

L'étude des procès-verbaux des ventes n'a montré clairement qu'un simple coup d'oeil jeté sur ces documents ne pouvait mûllement amener à des conclusions quelque peu sérieuses. L'impression qu'on en reçoit ne correspond au résultat obtenu après le calcul des données fournies par ces actes. En parcourant les procès-verbaux des ventes du département de la Sarthe édité par M. Legeay, on pourrait arriver à la même conclusion que M. Kobolowsky; mais voici ce que nous donne la table formée d'après les calculs des chiffres des ventes dans trois districts du département de la Sarthe. On voit d'après ce qui suit que la plus grande partie des achats ne dépassait pas 5000 livres, et les achats dépassant 50000 livres étaient relativement très rares.

	Mamers Vente des biens de la		Fresnay sur-Sarthe Vente des biens de la		Saint-Calais Vente des biens de la	
	1 ^{re} orig.	2 ^e orig.	1 ^{re} orig.	2 ^e orig.	1 ^{re} orig.	2 ^e orig.
Отискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1892—1895 гг. Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Универ. Св. Владиміра.						
<100 livres	2,89	0,00	1,57	0,46	2,64	0,41
De £100 à 500	26,09	8,00	16,80	9,23	13,86	9,34
" 500 " 1000	19,64	12,67	18,11	18,43	13,04	10,88
" 1000 " 5000	34,30	40,67	37,53	34,56	43,23	47,84
" 5000 " 10000	6,35	12,67	12,07	9,22	15,18	13,35
" 10000 " 25000	6,32	13,33	10,50	10,14	10,40	12,73
" 25000 " 50000	3,56	7,00	2,26	10,60	1,32	5,13
" 50000 " 100000	0,74	4,33	1,05	5,07	0,33	0,41
7 100 000	0,20	1,33	0,00	2,30	0,00	0,00

p. 75.

75c
" M. Kovalevsky qui s'efforce
de tout arriver ici pour avoir son
part à nous et faire passer les actes
de vente des biens nationaux" p. 74.

UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ.

(Отчетъ о командировкѣ за границу).

Декретами, изданными и національнымъ, и послѣдующими собраниями, громадная масса поземельной собственности, принадлежавшей во Франціи въ до-революціонную эпоху какъ церкви, такъ и дворянству и коронѣ, была, какъ извѣстно, либо объявлена національной собственностью, либо просто конфискована и почти вся вынесена на рынокъ, пущена въ продажу съ публичныхъ торговъ. Совершился безпримѣрный въ исторіи поземельной собственности переворотъ, естественно долженствовавшій привести за собою полное перемѣщеніе собственности, полное измѣненіе владѣльческихъ рукъ. Продавалось около половины всѣхъ земель страны, продавались земли не только церкви и дворянства, но и собственность лицъ сосланных (déportés), казненныхъ и т. п. Начиная съ конца 1790 года, вплоть до конца столѣтія и затѣмъ еще и при имперіи, на всемъ протяженіи французской территоріи, во всѣхъ департаментахъ, не прекращалась эта продажа, этотъ процессъ перемѣщенія въ грандіозныхъ размѣрахъ поземельной собственности. Какъ и въ какомъ направленіи совершалось это перемѣщеніе? Въ чьи руки попадала вынесенная на рынокъ и теперь свободная отъ всѣхъ ограниченій, наложенныхъ на нее въ средніе вѣка и въ новое время, земля? Кто, крестьяне или буржуазія или оба они вмѣстѣ, воспользовались совершившимся переворотомъ? Измѣнилось или нѣтъ распредѣленіе поземельной собственности въ странѣ? И, если измѣнилось, то въ какомъ смыслѣ и направленіи?

Эти и рядъ подобныхъ вопросовъ естественно возникаютъ въ умѣ, разъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ грандіознымъ переворотомъ, какимъ является, безспорно, самое крупное, самое выдающееся событіе въ

исторіи Франціи конца XVIII в. Естественнo также и предположеніе, что переворотъ этотъ не могъ же оставаться безъ внимательнаго изслѣдованія и разъясненія, безъ тщательнаго и подробнаго изученія, и это тѣмъ болѣе, что въ матеріалѣ недостатка нѣтъ и не было, что архивы почти всѣхъ департаментовъ завалены актами продажи національныхъ имуществъ, что, слѣдовательно, самыя точныя и непреложныя данныя имѣются на лицо. И, несомнѣнно, вопросы эти возбуждались, возбуждаются и теперь, но, къ удивленію, отвѣты, какіе даетъ намъ литература вопроса, представляютъ собою настоящій хаосъ. И это, когда для рѣшенія его имѣются вполне точныя данныя, цифры, говорящія или могущія говорить сами за себя. Въ самомъ дѣлѣ, долгое время держалось мнѣніе, еще и теперь находящее адептовъ, мнѣніе, что лишь революціи Франція обязана созданіемъ мелкой крестьянской собственности и что главную роль въ этомъ случаѣ сыграла конфискація земель и ихъ продажа. Заявленія, которыя отъ времени до времени дѣлались членами и національнаго собранія и конвента, о необходимости содѣйствія съ помощью продажи и національныхъ имуществъ, и конфискованныхъ земель крестьянамъ, переходу земельной собственности въ руки бѣднѣйшихъ классовъ, были приняты историками за чистую монету, пожеланія—за фактъ, и дѣло представлялось благодаря этому до такой степени яснымъ и очевиднымъ, что не требовало, казалось, и доказательствъ. Да ихъ не было, какъ извѣстно, и дано. Токвилю, а за нимъ и Лаверню, удалось нанести сильнѣйшій, повидимому, ударъ этому укоренившемуся въ литературѣ мнѣнію. Съ ихъ легкой руки создалось мало по малу радикально противоположное прежнему мнѣніе. „Думать, что размельчаніе собственности во Франціи возникло лишь со времени революціи, значитъ, писалъ Токвиль, поддаваться общераспространенному заблужденію. Правда, революція продала всѣ земли духовенства и большую часть земель дворянства, но тотъ, кто, какъ имѣлъ терпѣніе сдѣлать это я, пересмотритъ акты (procès-verbaux) этихъ продажъ,—увидитъ, что большая часть этихъ земель была куплена тѣми, кто владѣли уже землею; такъ что, если собственность и перемѣнила руки, за число собственниковъ увеличилось въ гораздо меньшей степени, чѣмъ обыкновенно воображаютъ“. (Ancien régime et la révolution, 38). Фактическаго подтвержденія сказаннаго въ книгѣ Токвилемъ сдѣлано не было, но авторитетъ его произведенія былъ настолько признанъ,

что Лавернь въ своей книгѣ: *économie rurale de la France depuis 1789*, уже рѣшился категорически заявить и заявилъ, какъ о вещи безспорной, что революція вовсе не увеличила количества мелкихъ собственниковъ, и даже пошелъ дальше Токвиля,—сталъ утверждать, что продажа національныхъ имуществъ оказалась болѣе выгодной для средней, а не для мелкой собственности. Это высказанное Лавернемъ мнѣніе начало постепенно получать права гражданства въ наукѣ, и даже развито было въ болѣе широкомъ видѣ. Авторъ, напр., спеціальной работы о продажѣ національныхъ имуществъ, Авенель (*Avenel, Lundis révolutionnaires*) уже сталъ прямо доказывать, что продажа національныхъ имуществъ была выгодна лишь для одной буржуазіи, для крупныхъ банкировъ, дѣльцевъ и т. ц., что почти вся проданная земля была скуплена спекулянтами, цѣлыми компаніями. Даже новыя мѣры, принятія конвентомъ въ видахъ содѣйствія развитію крестьянской собственности, именно: предписаніе продавать и эмигрантскія, и оставшіяся непроданными церковныя земли по маленькимъ участкамъ, въ видѣ *lots*, по мнѣнію Авенеля, воспроизведенному затѣмъ въ почтенномъ трудѣ Н. И. Карѣева (*Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи*, стр. 470—471),—ни въ малой степени не увеличили крестьянской собственности. Напротивъ того, земли эмигрантовъ, по словамъ Авенеля, попали въ руки поставщиковъ арміи, попали „*en bloc*“, вопреки, значитъ, приказу конвента о продажѣ по мелкимъ участкамъ. Даже болѣе. Авенель, какъ и тѣ, кто приняли его мнѣніе, стали доказывать, что земли эмигрантовъ продавались *тѣмъ же порядкомъ, какъ и церковныя*, и что продажа ихъ шла *туго*. (*Avenel, 34; Карѣевъ, 471*). Еще шагъ далѣе былъ сдѣланъ г. М. Ковалевскимъ въ его работѣ: „соціальное законодательство конститутанты“ (*Сборникъ Правовѣдѣнія, т. I, 1893 г.*). „Не повторявшаяся еще въ исторіи земельная революція, пишетъ онъ между прочимъ,.. пошла на пользу почти *исключительно* среднему сословію въ лицѣ не однихъ только капиталистовъ, но и членовъ либеральныхъ профессій, *малымъ же образомъ фермеровъ*“. И онъ смѣло прибавляетъ: „*вся свѣдѣтельства сходятся въ признаніи, что большинство проданныхъ съ публичныхъ торговъ земель церкви сосредоточилось въ рукахъ прежнихъ арендаторовъ*“.

Вопросъ, такимъ образомъ, является, повидимому, исчерпаннымъ и окончательно рѣшеннымъ. Но, странное дѣло. Ни въ одной почти изъ работъ, затрогивавшихъ исторію продажи національныхъ иму-

шество, мы не находимъ почти слѣдовъ изученія или хотя бы простого знакомства съ тѣмъ матеріаломъ, который въ данномъ случаѣ одинъ только можетъ имѣть и долженъ былъ бы имѣть первенствующее значеніе. Я разумѣю самые акты продажи, *procès-verbaux des ventes des biens nationaux*. Правда, Токвиль,—наиболѣе осторожный въ своихъ выводахъ,—увѣряетъ, что онъ пересматривалъ эти акты, эти *procès-verbaux*. У всѣхъ другихъ на нихъ нѣтъ и ссылокъ. Но дѣйствительно ли имѣлъ Токвиль *все* акты продажи подъ руками или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ? Въ этомъ можно болѣе, чѣмъ усомниться. Въ парижскомъ національномъ архивѣ актовъ продажи нѣтъ: *все* они находятся въ департаментскихъ архивахъ и представляютъ собою грандіозную коллекцію, которая,—если бы она была собрана и свезена въ одно мѣсто,—для одного просмотра потребовала бы не малаго числа лѣтъ. А между тѣмъ, еще и до настоящаго времени въ большинствѣ архивовъ разборка и рассортировка актовъ продажи не только не кончена, но даже еще и не начата, да и въ тѣхъ, гдѣ они приведены въ порядокъ и классифицированы,—работа эта сдѣлана всего 10—15 лѣтъ тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ архивахъ, какъ въ архивѣ Pas de Calais (Аппрасъ), лишь недавно разыскана и приобщена къ архиву значительная часть ихъ. Тоже, какъ мнѣ сообщали, имѣло мѣсто и въ другихъ архивахъ. Очевидно, что у Токвиля могла быть въ рукахъ лишь самая незначительная часть *procès-verbaux* и что, по-этому, и выводы его врядъ ли можно было бы признать вполне обоснованными. Да кромѣ того, изъ актовъ продажи Токвиль могъ усмотрѣть развѣ одно, а именно: въ чьи руки, буржуазіи или крестьянъ, попала продаваемая земля. Но ни въ какомъ случаѣ данные *procès-verbaux* не давали ему и не могли дать ни малѣйшихъ указаній на то, владѣлъ или не владѣлъ собственной землей каждый данный покупатель и въ какомъ размѣрѣ. Такого рода свѣдѣніи акты продажи, къ сожалѣнію, не даютъ, ибо, въ противномъ случаѣ, не трудно было бы до извѣстной степени возстановить размѣры крестьянскаго и буржуазнаго землевладѣнія до революціи,—чего Токвиль не сдѣлалъ, не могъ сдѣлать и о чемъ онъ умалчиваетъ. Повторяю, впрочемъ, что Токвиль былъ крайне остороженъ въ своихъ заключеніяхъ и утверждалъ лишь то, на что до нѣкоторой степени давали ему право, хотя и немногочисленные, но прочныя данныя. У послѣдующихъ изслѣдователей, при полномъ уже отсутствіи данныхъ изъ *procès-verbaux* и

Aras
Pas de Calais

лишь на основаніи, главнымъ образомъ, заключеній Токвиля, выводы были сдѣланы, какъ мы видѣли, болѣе смѣлые и широкіе, но необоснованные на сколько нибудь серьезныхъ фактахъ. Да и какое значеніе могутъ имѣть выводы, если,—какъ то можно сказать относительно Авенеля,—акты продажи имѣній эмигрантовъ показываютъ какъ разъ обратное тому, что онъ утверждаетъ? Вѣдь дѣло въ томъ, что законъ конвента примѣнялся въ провинціи всецѣло, продажа совершалась мелкими участками, которые приобрѣтались массой лицъ. Мы должны, впрочемъ, сдѣлать одно исключеніе въ пользу г. Ковалевскаго. Въ своей работѣ, упомянутой выше, онъ опирается на *единственномъ* въ исторической литературѣ изслѣдованіи, основанномъ на непосредственномъ изученіи актовъ продажи національныхъ имуществъ. Это изслѣдованіе Минцеса: *die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution mit besonderer Berücksichtigung des Departements Seine und Oise*, Jena, 1892. (изслѣдованіе, сдѣланное имъ впервые и строго и солидно обоснованное (въ томъ, что касается самого процесса продажи). Но,—и я позволю себѣ повторить здѣсь то, что сказано было мной въ замѣткѣ о книгѣ г. Минцеса въ *Revue Historique* (1894 г., № I),—„врядъ ли г. М. могъ рѣшить во всей полнотѣ вопросы, связанные съ продажей національныхъ имуществъ. Для этого ему необходимо было бы изучить имѣющіяся статистическія данныя, если не для всей Франціи, то, по крайней мѣрѣ, для нѣсколькихъ департаментовъ, наиболѣе типичныхъ въ экономическомъ отношеніи“. Съ другой стороны, „тѣ принципы, тѣ тенденціи, которые существовали у многихъ дѣятелей и національнаго собранія, и конвента“—и на которые указалъ въ своей работѣ г. Минцесъ, а вслѣдъ за нимъ повторилъ и г. Ковалевскій,—„оказывали ли они вліяніе на всю Францію? Политика ихъ была ли одной и тойже, что въ департаментѣ Сены и Уазы, что и во всей Франціи?“. Не должно забывать также что г. Минцесъ говоритъ лишь объ одномъ департаментѣ и не *оплаетъ* обобщеній отъ него на всю страну. Да и понятно: департаментъ Сены и Уазы находился у самыхъ воротъ такого крупнаго экономическаго центра какъ Парижъ, города, стянувшего всѣ силы, всѣ богатства страны, насчитывавшаго въ своихъ стѣнахъ наиболѣе крупныхъ капиталистовъ, буржуа, еще и до революціи скупавшихъ здѣсь земли—въ чемъ г. М.—съ могъ бы легко убѣдиться на основаніи инвентаря архива Сены и Уазы (*série E*). Насколько другіе города могли оказы-

изслѣдованіе
нац. историч.

==

В.И.